

БЕРА РУДЕЦКАЯ

НЕ ЗАСТАВЛЯЙ
МЕНЯ
ХОТЕТЬ...

18+

Вера Рудецкая

Не заставляй меня хотеть

«Автор»

2026

Рудецкая В.

Не заставляй меня хотеть / В. Рудецкая — «Автор», 2026

Я бежала от того, кто не принял мой отказ. Новый город должен был стать безопасной гаванью. Но за мной снова следят. Я не знаю, кто прячется в тени. Зато точно знаю, кому не доверюсь никогда. Матвею Ардашеву. Наглому мажору, который доводит меня до бешенства. Но что, если спасти меня может только он? И что, если именно он причина моего страха?

© Рудецкая В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог. Ночь ящика	5
Глава 1. Самая скучная	7
Глава 2. Тень	10
Глава 3. Двадцать три шага	12
Глава 4. Я лучше умру	15
Глава 5. Круг света	18
Глава 6. Чёрное стекло	21
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Вера Рудецкая

Не заставляй меня хотеть

Пролог. Ночь ящика

Тень

Когда у тебя есть всё, скука становится единственной проблемой, которую нельзя решить деньгами. В этом году моё лекарство зовут Ульяна Мезенцева. Курс лечения длится три месяца. Побочный эффект — привыкание.

5 сентября, 23:40

Под половицами эллинга глухо плещется вода. Упрямо, с тягучими паузами, будто снизу кто-то ломится и просится внутрь. Вдоль стены, укрытые брезентами, спят лодки. Каждая из них стоит как приличная квартира. Всё лето они так простояли, ни разу не намокнув.

Нам было просто лень. Банально лень.

Свет дают только свечи. Огонь бьёт снизу: у всех за длинным столом горят подбородки и носы, а глазницы тонут в черноте. Для портрета это худший свет из возможных. Для нашего дела он идеален: в нём каждый похож на собственный череп.

Нас двенадцать. Все в чёрном. За этим столом не называют имён.

Во главе стола поднимается Арбитр. В руке бархатный мешок.

— Жребий слеп, — говорит он с пафосом.

— Жребий слеп, — безразлично тянем мы в ответ.

— Ветер помнит.

— Ветер помнит.

— Сезон начинается.

— Сезон начинается.

Этим фразам лет десять. Их когда-то придумали те, кто сидел здесь до нас. Теперь они заседают в советах директоров и в чиновничьих кабинетах, носят дорогие часы и очень стараются всё это забыть.

Но ветер помнит.

Я тяну эти слова вместе со всеми, и мой голос просто вязнет в общем гуле.

Мешок идёт по кругу. Бумага внутри шуршит, как сухие листья. Лис вытягивает клочок и на секунду, всего на долю секунды, перестаёт улыбаться. Штиль прячет записку в кулак, даже не дочитав.

Ко мне мешок приходит последним. На самом дне. Один листок. Выбирать, по сути, не из чего.

Разворачиваю.

«Осень. Ульяна Мезенцева».

Ну разумеется. И почему мне так не везёт?

— Осень открыта, — объявляет Арбитр. — Тень, Ульяна Мезенцева твоя.

Одиннадцать голосов повторяют её имя.

Ворон кладёт телефон на середину стола.

— Для тех, кто пропустил.

Запись шипит. Потом звучит её голос — тихий, каждое слово отдельно: — Лучше умру, чем приму от тебя помощь.

В комнате кто-то усмехается. Потом ещё один смешок. Кто-то с силой хлопает ладонью по столешнице. Пепел на дальнем краю смотрит на огонь и молчит.

Запись обрывается на её последнем слогe. Дальше был мой ответ, но его, разумеется, обрезали.

Арбитр диктует условия. Все подхватывают вразнобой, до меня долетают только обрывки:

— ...пусть она придёт сама...

— ...когда ей станет по-настоящему страшно...

— А ты уж сам думай, как её напугать.

— Только её собственный выбор, — произносит Арбитр и с размахом подводит под строкой черту.

Янтарная капля сургуча падает на плотный конверт и медленно застывает.

На крышке дубового ящика тускло блестит латунная пластина. Прорезь с дореволюционной надписью: «ДЛЯ ПИСЕМЪ». Словно приоткрытый рот.

Арбитр опускает конверт в эту пасть. Сухой шорох — и плотная бумага исчезает внутри.

Он поворачивает тяжёлый ключ. Щелчок. Вынимает его из замка и кладёт передо мной.

Граф лениво ухмыляется:

— Тень, учти. Эта не из пугливых.

Я молчу. Просто убираю ключ во внутренний карман.

Доски причала прогибаются под ногами. Чёрная вода трётся о сваи. За соснами, в глубине острова, во Флигеле горит одно окно. С такого расстояния даже длинный объектив выхватил бы лишь жёлтое пятно.

Может, это её.

Я жду, пока оно погаснет. Ждать я умею.

Окно гаснет.

Три месяца.

В последнюю ночь осени она придёт ко мне сама. Без шапки, с белыми от холода губами. Будет просить не оставлять её одну.

Она попросит меня её спасти.

Спасти от меня.

Глава 1. Самая скучная

За четыре дня до жребия...

Ульяна

1 сентября, 04:00

В четыре утра я уже не сплю. В Находке давно рассвело, мама вернулась с ночной смены и легла. Моё тело до сих пор живёт по часам родного города.

Хостел на одной из центральных улиц, комната на двенадцать коек. Я выбрала нижнюю, у самой двери. Дверь в коридор перекошена и до конца не закрывается. За три ночи это единственное, что мне здесь понравилось.

Четыре — вдох. Семь — держу. Восемь — выдох. Так учила мама.

На крючке у изголовья висит дождевик. Ярко-жёлтый, из палатки у метро. Продавщица пыталась всучить мне чёрный: «Бери, дочка, практичный, на нём грязи не видно».

— Если меня собьёт машина, — сказала я, — пусть хотя бы заметят.

И я забрала жёлтый.

* * *

Остров, где находится кампус, начинается с моста. За ним город будто выключают: проспект гложет в соснах, и слышно только, как визжат колёса моего чемодана. Особняки прячутся за оградами. Машины у ворот стоят как наша квартира на сопке с видом на бухту. У нас все ездят на японках с правым рулём, здесь руль у всех слева.

Я зачем-то всматриваюсь в каждую.

Флигель прячется за спортплощадкой. Трёхэтажное здание, облупленное крыльцо, в застеклённой будке у входа — женщина в очках на цепочке и с кроссвордом.

— Мезенцева? — Она ведёт пальцем по списку. — Из Находки. Вот это тебя занесло.

Она хмыкает поверх очков.

— Я тётя Галя. У тебя второй этаж, двенадцатая. Парней после одиннадцати не водить. Дверь скрипит, я всё равно услышу.

— А чёрный ход здесь есть?

— Через кухню. Мимо меня. — Тётя Галя откладывает ручку. — Ты чего высматриваешь, задумала чего? И зачем это тебе чёрный ход?

— Люблю знать, где выход.

— Выходы у нас все через меня.

В двенадцатой две кровати и окно во двор с одним фонарём. Замок обычный, ключ поворачивается с обеих сторон. Засова нет. Я проверяю дважды.

Соседка появляется к обеду: сначала хохот на лестнице, потом клетчатая сумка, потом сама девушка — высокая, в спортивном костюме, с хвостом на макушке. Она швыряет сумку на свободную кровать и тычет пальцем в мой дождевик.

— Твой? Тебя ж с вертолёта видно. Даша. Новокузнецк. Айти. — Она плюхается рядом. — Я приехала за парнем. Шучу. Наполовину.

— И что за половина?

Даша честно морщит лоб.

— Хочу богатого.

— Если что, брачный договор составлю со скидкой. — Улыбаюсь. — Я на юрфаке.

— Всё. Ты моя.

Я знаю, что она шутит. Я тоже шучу. Пальцы всё равно находят ремешок часов.

— Я из Находки. Приехала учиться.

— Находка — это возле Владика? Капец. На Новый год полетишь?

— Нет.

— Дорого?

— Вроде того.

— В смысле?

— В смысле, хочу остаться здесь.

Даша тоже улыбается. Кажется, мы с ней подружимся.

Из комнаты напротив выглядывает светловолосая девушка в отглаженной блузке.

— Злата, из Пскова, — вполголоса подсказывает Даша. — Я с ней с утра знакома.

На ручке новенького чемодана Златы болтается магазинная бирка. Заметив мой взгляд, Злата разворачивает чемодан биркой к стене.

Я отвожу глаза. У каждого здесь свои бирки.

* * *

Вечером Белый зал универа сияет так, что хочется щуриться. Гардеробщица вешает мой дождевик между двумя кашемировыми пальто и смотрит на него, как на пятно. Между колоннами висит портрет основателя, старика в бакенбардах и жилете.

Я встаю у стены, откуда видны обе двери.

Геннадий Ардашев говорит со сцены о социальных лифтах. Он застройщик, про лифты знает всё. «Наши девочки», «talанты из регионов», «дать шанс». Я прячу руки в рукава: пальцы ледяные с самого утра, а через десять минут мне выходить к микрофону.

Даша выходит первой.

— Мой папа двадцать лет спускался в шахту, чтобы я однажды поднялась на эту сцену.

— Пауза. — Папа, я поднялась. Спасибо за всё.

Ардашев аплодирует громче всех.

Злата рассказывает про дом у реки: мама играет Шопена, а весной в окно слышно, как трогается лёд. Голос у неё дрожит в правильных местах. Женщина за ближним столиком промокает глаза салфеткой.

Моя история помещается в четыре строчки.

Ступенек на сцену пять. На третьей немеют пальцы. Микрофон стоит высоко, но опустить его — значит взяться, и тогда все увидят, как у меня трясутся руки. Я поднимаю подбородок. Свет огромной люстры бьёт в глаза, за ней двести лиц.

— Ульяна Мезенцева. Находка, юридический факультет. Спасибо фонду за грант. Я постараюсь, чтобы он не пропал зря.

Всё.

Ведущая ждёт продолжения. Зал тоже ждёт. Я ухожу со сцены в полной тишине.

А потом, как в тумане, слышу редкие аплодисменты.

Массивная колонна у портрета основателя толщиной в пару обхватов. Идеальное укрытие: за ней не видно зал, но слышно всё. Глоток воды. Четыре, семь, восемь.

Обойдя колонну во второй раз, я замираю. С той стороны раздаются голоса.

— Надо было тебе что-нибудь про лифты впарить.

— Да лучше тебе. Твой батя их вообще строит.

Низкий, ленивый смех.

— Ну и? — переспрашивает первый. — Давай, выбирай.

— Первая — стендап. Вторая — открытка. — Голос второго парня звучит скучающе и тихо. — А третья самая скучная.

Можно остаться в тени. Допить воду, досчитать до восьми и тихо убраться восвояси.

Я выхожу.

Первый — кудрявый, с бокалом в каждой руке, смеется слишком громко. Второй стоит чуть в стороне. Он выше меня на голову, единственный в зале не в пиджаке, а в темно-сером свитере крупной вязки, но почему-то именно по этому свитеру ясно: он стоит дороже всех

здешних костюмов вместе взятых. Почти черные волосы падают на лоб. Поперек левой брови змеится тонкий шрам.

Сердце предательски ускоряет ритм, а в животе разливается жар вперемешку со страхом. Это неправильно. И опасно.

Пальцы сами находят ремешок часов.

— Скучная — это та, кому не нужно никого развлекать, — говорю я. — А ты, кажется, перепутал нас с аниматорами.

Кудрявый складывается пополам и хохочет, чуть не расплескивая содержимое бокалов.

— Блин, — стонет он, вытирая уголок глаза. — Она тебя сделала.

Второй даже не шевелится. Он лениво он скользит по мне взглядом. Тёмно-карие глаза. В них нет ни искры веселья, ни злости. Но по коже у меня пробегает мороз, а шея предательски наливается жаром.

Смех кудрявого я бы еще пережила. Но этот взгляд...

Ничего хорошего он мне не сулит.

Глава 2. Тень

Я разворачиваюсь и иду к окну. Стараюсь держать спину прямо, но руки предательски дрожат. Приходится сжимать их в кулаки.

— Ты чего такая бледная? — Даша подкатывает ко мне с бокалом. — Они тебе что-то сказали?

— Да всё нормально. Просто они конченные.

Даша вытягивает шею, вглядывается в дальний угол зала и одобрительно присвистывает.

— Может, познакомиться хотели?

— Да зачем они мне сдались.

Чей-то крик прорезает пространство.

— Это она! Эта нищобродка! Она стояла рядом!

Зал сначала оборачивается к стене, где висит портрет. По парчовому жилету старика-основателя медленно расползается тёмное пятно. А потом все поворачиваются ко мне.

Девушка в изумрудном платье тычет в мою сторону рукой. Я смотрю на её бокал. Он абсолютно пуст. Но больше, кажется, никто этой мелочи не замечает.

— Эй! — Даша делает шаг вперёд, заслоняя меня. — Она стояла со мной!

Её голос тонет в общем гуле. Кто-то уже зовёт координатора, кто-то тычет в нас телефонами. О презумпции невиновности здесь никто не слышал.

Я сжимаю ремешок часов и смотрю сквозь толпу. У колонны стоит парень со шрамом и тёмно-кариими глазами.

Он смотрит на меня. И молчит.

Матвей

— Тень!

За вечер я слышу это раз двадцать.

Карина Шереметьева целует воздух у моей щеки и обдаёт меня духами и красным вином. Хлопки по плечу, «ну ты как», «а мы думали, ты в Лондоне». Остров хорошо помнит моё прозвище. Меня это устраивает. Имя здесь всё равно принадлежит отцу.

Год назад я ушёл в академ со второго курса экономики. Отец поставил условие: вернётся — на юрфак. «Юрист в семье нужнее экономиста». Мне было всё равно. Так я и стал первокурсником. Зачётка чистая, репутация — наоборот.

Весь вечер я держу один и тот же бокал. Шампанское в нём давно согрелось. Карина пятится, помахивая бокалом, и рассказывает про Муша-Кей — какая там была тоска. Хохочет. Я смотрю поверх её причёски на окно.

У окна стоит скучная. Держит стакан двумя руками, и даже отсюда видно, как в нём дрожит сок.

Ульяна Мезенцева из Находки.

Так она представилась со сцены. Двух других я забыл сразу. Это имя застряло в голове.

Карина делает ещё шаг назад, и её бокал встречается с портретом на стене. Вино выплёскивается дугой. По нарисованному лицу ползёт тёмное пятно. Карина смотрит на пустой бокал. Потом по сторонам. Её взгляд натывается на меня и задерживается на секунду.

Я ничего не делаю.

— Это нищобродка! — кричит Карина и тычет бокалом в сторону окна. — Она стояла рядом!

Мезенцева белеет. Правой рукой берёт себя за левое запястье, поверх часов. Её подруга-стендап что-то доказывает и машет руками. Никто её не слушает.

Мезенцева смотрит прямо на меня.

Я выдерживаю этот взгляд. Это нетрудно.

Координатор фонда уже рядом с ней. Говорит тихо. Грантница кивает. Ни слова в свою защиту. Забирает у подруги жёлтый дождевик и идёт через весь зал к выходу. Толпа расступается.

— Слушай, а она ничего, — говорит Марк. — Даже не пискнула.

Я ставлю тёплое шампанское на поднос официанта.

Меня это не касается.

Ухожу, ни с кем не прощаясь.

* * *

К полуночи эллинг гудит. Горит верхний свет, в камине трещат берёзовые поленья, на длинном столе коробки с пиццей и чья-то колонка. Свечи и чёрное будут в пятницу. Сегодня все просто провожают каникулы.

Карина сидит с краю и пьёт воду из бутылки. Крутит на пальце кольцо и поглядывает на меня. Я смотрю в огонь.

Алиса Вяземская поднимается, и все затихают. Это она умеет с девятого класса: встать так, чтобы все замолчали. Взгляд у неё проходит по каждому, а на мне задерживается.

— Сезоны, — говорит она. — В пятницу. У нас и претендентки есть. Халявшицы.

Кто-то свистит. Кто-то барабанит ладонями по столу.

Арсений Бельский поднимает кусок пиццы.

— За подарки фонда Ардашевых. — Смотрит на меня. — Щедрый у тебя батя, Тень.

Ради славы отец пойдёт на всё. Даже гранты раздаст.

Лёва Гарин морщится, как от кислого, и отодвигает бокал. Это вижу только я. Лёву кажется тихим, но я давно заметил, что это обманчивое впечатление.

Марк плюхается на лавку рядом и закидывает руку мне на плечи.

— Первый раз играешь, Тень. — Он скалится. — Боишься?

— Нет, — говорю я.

Я больше никогда не проиграю.

В огне почему-то проступает белое лицо у окна и пальцы, сжатые на запястье. Я засвечиваю этот кадр, как испорченный.

Пятница. Три девушки, три сезона.

Если мне достанется скучная — закончу с ней до октября.

Глава 3. Двадцать три шага

За три дня до жребия...

Ульяна

2 сентября, 00:40

Даша возвращается за полночь. В одной руке у неё туфли, в другой салфетка, свёрнутая кульком.

— Это тебе. — Кулёк ложится мне на подушку. Внутри четыре канапе, у одного отвалилась крешетка. — Я им там всё объяснила. Минут двадцать объясняла. Меня никто не слушал, зато я поела.

— Спасибо.

— За канапе или за то, что орала?

— За то, что орала. И за канапе тоже.

Даша падает на свою кровать прямо в платье.

— Козлы, — сообщает она потолку. — Богатые и красивые. Обидно.

Я выключаю свет.

Через пять минут Даша уже сопит. Я лежу на спине и смотрю на полосу света из коридора.

Четыре — вдох. Семь — держу. Восемь — выдох.

До дверей Белого зала было двадцать три шага. На седьмом кто-то за спиной повторил «нищесбродка». На пятнадцатом щёлкнула камера телефона. Я досчитала до двадцати трёх ровно и только на улице разжала кулаки.

Четыре. Семь. Восемь.

А там внутри была координатор фонда. Она взяла меня за локоть так мягко, что со стороны это выглядело заботой, и сказала в самое ухо: «Ульяна, идите отдыхать. Завтра в десять — ко мне». Я кивнула.

И ещё был он.

Парень со шрамом стоял у колонны и смотрел, как я иду.

У меня горит шея. Сейчас, в темноте, четыре часа спустя. Я переворачиваюсь лицом к стене и считаю, пока его лицо не расплывается.

В четыре я снова не сплю.

На экране сообщение от мамы, пришло в начале первого: «Ну как, выступила? Не мёрзнешь там?»

Я печатаю: «Выступила. Всё хорошо. Тут красиво».

Из трёх фраз одна неправда. Не так и много. Отправляю.

Мама после ночной смены спит. Прочитает, когда проснётся, и будет думать, что у меня всё хорошо. Пусть думает.

* * *

Кабинет фонда на втором этаже главного корпуса, от Флигеля семь минут. Две девушки на ступенях замолкают, когда я прохожу мимо, и начинают снова, когда я уже у двери.

Координатора зовут Лариса Евгеньевна. Каре, нитка жемчуга, голос, которым в аэропорту объявляют задержку рейса. На стене за её спиной Геннадий Ардашев вручает кому-то грамоту размером с дверь.

— Садитесь, Ульяна.

Я сажусь так, чтобы видеть дверь. Дверь закрыта. От моего стула до неё четыре шага.

Лариса Евгеньевна кладёт передо мной лист. Бланк фонда, вверху герб, внизу чья-то круглая подпись.

— Вчера поступило заявление. Студентка утверждает, что видела, как вы залили портрет.

— Это неправда.

— Я понимаю. — Она кивает так, как кивают ребёнку, который клянётся, что не трогал варенье. — Поэтому будет дисциплинарная комиссия. Девятого числа. До её решения грант приостановлен. Комната во Флигеле пока за вами.

Пока.

— У меня есть свидетель. Дарья Кулешова стояла рядом со мной.

— Дарья Кулешова — ваша соседка и такая же грантница фонда. Комиссия это учтёт.

Заинтересованное лицо. Значит, если мы попали сюда по гранту, то наше слово ничего не значит. Пальцы под столом находят ремешок часов.

— Холсту сто тридцать лет, — мягко добавляет Лариса Евгеньевна. — Реставратор уже назвал сумму. — Она складывает руки на столе. — Ульяна, если подтвердится... вы понимаете.

— Понимаю. В условиях гранта есть пункт про дисциплинарные взыскания. Я его читала.

— Вот и хорошо.

Хорошего тут мало. Потерять грант — значит потерять комнату. Потерять комнату — значит купить билет. Девять тысяч километров на восток.

А возвращаться мне нельзя.

Девять тысяч километров — единственная дверь, которую я закрыла за собой до конца. Что за ней, я не думаю. Я давно научилась останавливаться на этом месте.

Четыре — вдох.

На лестнице я замечаю, что держу себя за левое запястье. Разжимаю пальцы.

* * *

В два часа фонд выкладывает пост: «Новые лица фонда Ардашева: наши девочки из регионов». Двенадцать фотографий.

Ардашев на сцене с поднятой ладонью. Даша в середине сцены. Злата с мокрыми глазами. Я у микрофона: подбородок вверх, руки за спиной. Похожа на подсудимую на последнем слове.

Под снимками мелко: «Фото: Илья Ткач».

Я листаю обратно. На кадре со Златой за её плечом виден портрет основателя. Жилет чистый, парча блестит. Значит, у фотографа есть «до». Если он снимал весь вечер, у него есть и «после». А между ними минуты, и в каждую из них я где-то стою.

В посте времени нет. В исходниках оно есть всегда.

Клетчатый блокнот я купила в Находке, в киоске у автовокзала, за день до отъезда. Тогда я не знала, зачем он мне. Сажусь на кухне Флигеля лицом к двери, открываю первую страницу и ставлю дату.

Пункт 1. Фотограф — И. Ткач. Найти.

Пункт 2. Время на снимках. Исходники.

Пункт 3. Свидетель — Даша.

Под третьим пунктом приписываю мелко: «заинтересованное лицо». Обвожу. Других свидетелей у меня нет и не будет.

Закрываю блокнот. Открываю снова и подчёркиваю первый пункт два раза.

Вечером кто-то кидает в общий чат первого курса фото портрета. Крупно: тёмное пятно на парчовом жилете. Подпись: «вандалка на гранте».

Я смотрю, как растёт счётчик реакций. Двадцать шесть. Тридцать один. Кто-то ставит клоуна, и клоунов сразу становится восемь.

«а чё ей будет?»

«грант снимут, поедет к себе в тайгу»

«она из Находки, там море»

«одинаково»

Между ними кто-то пишет: «а правда, что тень вернулся?» — и получает четыре сердечка. Кто такой Тень, я не знаю. Мне всё равно.

Тридцать девять клоунов. Сорок.

Сорок человек, которые ни разу со мной не говорили, уже вынесли решение. Заочно. Быстрее любой комиссии.

«Выйти из чата?»

Выйти.

«Вы покинули чат».

Телефон со мной тоже на «вы». Сегодня со мной все очень вежливые.

Даша смотрит в свой экран и хмурится.

— Ты вышла? Зря. Я остаюсь. Мне надо знать, кого бить.

Вечером на почту падает письмо из деканата: «Списки академических групп». Ю-11, восемнадцать фамилий.

Первая строка: «1. Ардашев М.».

Веду пальцем вниз. «11. Мезенцева У.».

Значит, я всё-таки учусь? Или нет? Надо будет завтра выяснить.

Итак. Ардашев. Человек на сцене, который говорил про лифты. Значит, это его сын или другой родственник. Неважно.

Даша заглядывает мне через плечо и присвистывает.

— Ардашев? — Она стучит ногтем по экрану. — Это тот самый? Сын фонда? Со шрамом?

— Откуда ты знаешь?

— Да про него в чате весь вечер пишут. Девчонки с медиа уже воют.

Шрам. Тонкий, через левую бровь. Я помню его слишком хорошо для человека, которого видела две минуты. Шея снова горит. Я прижимаю к ней ладонь. Ладонь ледяная, а шея горит всё равно.

Он знал, кто я, раньше, чем я вышла к нему из-за колонны. Я сама назвала себя со сцены. Фонд его отца выбрал моё эссе. Его отец платит за эту комнату и за каждый день, который я здесь проживу.

Я встаю и иду к двери. Мне нужен воздух.

Четыре — вдох. Семь — держу.

Восемь не наступает.

Сын человека, который оплачивает мою учёбу. Кажется, я с самого начала ему не понравилась. Неужели это он велел кому-то облить портрет, чтобы свалить всё на меня?

Глава 4. Я лучше умру

За сутки до жребия...

Ульяна

Сегодня я просыпаюсь в пять. Даша раскинулась поперёк кровати, одна нога на полу. Знаю, что больше не усну, поэтому перебираю в голове всё, что происходит.

У фотографа фонда, Ильи Ткача, сайт на белом фоне: свадьбы, выпускные, корпоративы. Внизу почта.

Первое письмо выходит вежливым. Меня зовут, я была на празднике, можно ли посмотреть исходники. Перечитываю три раза и вычёркиваю одно «пожалуйста». Два подряд — это уже мольба. Отправляю в 05:40 и открываю блокнот.

Пункт 4. Ардашев М.

Я всё-таки решила подойти к нему после праздника.

Буквы в тетради расплываются, сливаясь в серые кляксы, и я снова там. Вчерашний вечер. Адская жара, громыхающий бас и запах дорогого парфюма, смешанный с перегаром.

Я выискивала его взглядом, пробираясь сквозь гудящую толпу в актовом зале. Меня шатало от возмущения: ложь, перешёпывания за спиной — я не могла это просто так оставить. Справедливость для меня не пустое слово, даже если за неё приходится идти на эшафот. А Ардашев и был этим эшафотом.

Я репетировала разговор сотню раз. Выбрала момент, когда его «свита» отвлеклась, и он остался один.

Собрала всю волю в кулак, чтобы не дрожал голос. Подошла. Он даже не сразу повернулся, продолжая смотреть в стену, будто меня тут просто не существовало.

— Ардашев, — мой голос предательски дрогнул, но я заставила себя продолжить. — Нам нужно поговорить. Насчет портрета. Подтверди, что это была не я. Ты ведь видел.

Он медленно, по-кошачьи повернул голову. Во взгляде — оценка. Так и хотелось заехать кулаком в эту самодовольную физиономию.

— Ты сейчас серьёзно? — От его низкого голоса между нами завибрировал воздух.

Он шагнул ближе, вторгаясь в личное пространство, отрезая пути к отступлению. Вся моя хрупкая уверенность тут же испарилась.

— Д-да, — выдохнула я, чувствуя, как предательски разгорается лицо. Я ненавидела себя за эту слабость, за то, что рядом с ним моя праведная злость превращалась в трепет. — Скажи координатору правду. Ты единственный, кто может это исправить.

— А почему я должен ради тебя шевелиться? — он чуть склонил голову, разглядывая меня, как диковинного жука.

— Потому что это ложь! — выпалила я, забыв про осторожность. — И ты знаешь, что я не виновата.

— Интересно, — протянул он, и уголок его рта дрогнул в усмешке, которая не коснулась глаз.

К этому моменту я уже с трудом дышала. Его близость давила физически. Я привыкла бороться за правду, привыкла не бояться учителей и директоров, но перед я почему-то размякла.

— Так что? — спросила я тише, чувствуя, как ноги становятся ватными.

— Если хочешь, чтобы я помог, — его голос упал до интимного шепота, от которого по коже пробежал холодок, — проси как следует. И делай всё, что я скажу.

— Что это значит?

— Узнаешь, если перестанешь играть в праведницу.

Я должна его просить? Унижаться перед человеком, который считает таких, как я, грязью? В его глазах читалось обещание чего-то нехорошего, от чего хотелось тереть кожу щеткой до крови. Но хуже всего было то, что часть меня — та, постыдная часть — замерла в ожидании.

— Я не буду, — выдохнула я, отступая на полшага, потому что дальше отступить было некуда. — Я лучше умру.

Он улыбнулся, обнажив идеально белые зубы. Впервые разглядела шрам вблизи: белая нитка, рассекающая бровь, на конце чуть толще. След от ножа или драки? Это делало его еще более пугающим.

— Как знаешь, — выдохнул он мне прямо в лицо. — Только учти, правда в этом мире стоит дорого. А ты... ты пока не потянешь.

...Шея опять горит, словно всё это происходит прямо сейчас. Я резко выпадаю из воспоминания, жадно глотая воздух. Даша что-то мычит во сне и подтягивает одеяло. Я дрожащими пальцами застёгиваю кофту до самого подбородка, хотя в комнате тепло. Руки трясутся.

Рядом с четвёртым пунктом рисую вопросительный знак. Большой, на две клетки. Нет уж. Сначала дождусь ответа фотографа. Я не пойду к Ардашеву снова. Никогда не пойду.

В 07:52 приходит ответ: «Исходники принадлежат фонду. Обращайтесь к координатору. С уважением, И. Ткач».

К Ларисе Евгеньевне, которая всё понимает.

Второе письмо я пишу так, как пишут иски: сразу по пунктам.

«1. На празднике фонда первого сентября испортили портрет. Обвиняют меня. Комиссия — девятого.

2. Против меня слова одной студентки. За меня — слова соседки, а соседка — заинтересованное лицо.

3. В ваших файлах есть время съёмки. Ваши снимки — единственный незаинтересованный свидетель.

4. Пожалуйста, вы должны мне помочь, иначе меня отчислят.

У. Мезенцева, Ю-11».

Отправляю в 08:06.

Ответ приходит в 09:06.

«Простите».

Даша стоит у меня за спиной с зубной щёткой во рту. Я и не заметила, когда она встала.

— Фто это? — Она вынимает щётку. — Фотограф? Он согласен?!

— Кажется, нет.

Но почему? Кому я могла перейти дорогу? Неужели кто-то всерьёз решил меня подставить?

Матвей

Телефон лежит экраном вниз на краю стола. С обеда в почте висит письмо от Вадима, помощника отца: «Матвей Геннадьевич, Геннадий Павлович просит Вас присутствовать на заседании дисциплинарной комиссии девятого сентября в качестве наблюдателя. Материалы во вложении».

Отец пишет мне через Вадима. Вадим пишет мне «Вы» с большой буквы. Вложение я не открываю.

Телефон жужжит. Марк.

Алиса пишет. Без смайликов, с точкой после каждого слова:

«Завтра. 23:00. Эллинг. Чёрное.»

Алиса и в девятом классе писала так, будто каждую точку заверяет нотариус.

Дома тихо. Я сижу на подоконнике с ноутбуком и от скуки открываю письмо Вадима.

Три файла.

Анкета. Мезенцева Ульяна Викторовна. Дата рождения. Место рождения. Мать: Мезенцева Н., медсестра. Отец: прочерк.

Прочерк. В моей анкете он стоял бы в другой графе.

Второй файл — объяснительная на бланке фонда, с гербом. «Со слов студентки К. Шереметьевой: студентка Мезенцева У. В., находясь в непосредственной близости от портрета, облила полотенно красным вином из своего бокала».

У Мезенцевой был стакан сока. И стояла она совершенно в другом месте.

А портрет облила Карина. Причём, специально.

Вадиму хватило бы от меня одной строки. Отцу — одного слова. Того слова, что она просила у меня не так давно.

Но она сказала, что лучше умрёт, чем согласится на мои условия. Я уважаю чужой выбор. Листаю дальше.

Третий файл — эссе. «Закон, который не защищает». Грантницы всегда пишут то, что хочет услышать фонд: трудное детство, большая мечта, спасибо за шанс.

Но у Мезенцевой какое-то исследование.

«Он может стоять под вашим окном хоть каждую ночь — закон назовёт это прогулкой. Он может знать ваше расписание лучше вас — закон назовёт это вниманием. Он может ждать вас у подъезда год. Закон подождёт вместе с ним».

Дальше статистика, ссылки, какие-то истории без имён. Пять страниц я пролистываю по диагонали. Читаю последнюю строку:

«Пока тот, кто ходит за вами, молчит, закон молчит вместе с ним».

Пафосно. Я закрываю ноутбук.

До жребия двадцать три часа.

Глава 5. Круг света

За час до жребия...

Матвей

5 сентября, 22:00

Чёрная рубашка висит в шкафу отдельно от остальных.

Застёгиваю её до горла. Сверху накидываю плащ с капюшоном.

К одиннадцати в эллинге собираются двенадцать человек. Все в чёрном, и все делают вид, что это смешно. Верхний свет пока горит. Вдоль стола выстроились свечи — их зажгут позже.

— Тень пришёл, — сообщает от камина Ника.

Причёска у неё гладкая, как у Алисы. Ника вообще всё делает как Алиса, только чуть позже.

Алиса стоит во главе стола рядом с Арбитром. Платье под горло, на запястье висит бархатный мешочек. Она кивает мне и задерживает взгляд. Я снова делаю вид, что не замечаю.

Арсений Бельский сидит прямо на столе и болтает ногой.

— А вот и спонсор. — Он салютует мне бутылкой. — Тень, тебе же не жалко папиных грантниц?

Жалость за этим столом обходится дороже любого проигрыша.

— Мне всё равно, — говорю я.

Арсений ухмыляется. Глеб Сомов что-то быстро вбивает в телефон. Ставки.

Лёва сидит у окна и крутит в пальцах незажжённую свечу.

— Я не хочу, — говорит он тёмному стеклу.

— Время жребия пришло, Гарин, — отвечает Арсений. — Раньше надо было хотеть или не хотеть.

Лёва кладёт свечу на подоконник и замолкает.

Мы встаём вокруг стола.

Алиса читает правила. Лист пожелтел на сгибах: его писали задолго до нас.

— Каждый игрок тянет из мешка бумажку. На ней имя девушки и сезон. Вытянул — молчи. Вслух сегодня назовём только осень: её сезон начинается прямо сейчас. Остальные имена будут знать только Арбитр и я.

Она обводит взглядом стол.

— Объясню для новеньких. Бывает, что у игрока просыпается совесть. Он доиграет свой сезон, пожалеет девочку и побежит предупреждать других. Поэтому он и не должен знать, кого предупреждать.

— Так ведь всё равно догадаются, — говорит Ника. — В этот раз уж точно.

— Верно. Но вслух говорить нельзя. — Алиса даже не поворачивает к ней головы. — Кто решит спасти чужих жертв, пусть сначала подумает, что будет с ним. И что потом будет с ней.

Арбитр — Глеб. Он ведёт игру и решает, засчитать победу или нет. Алиса — его помощница: читает правила, записывает условия и хранит всё, что игроки приносят Кругу.

— Игрок собирает доказательства: снимки, записи, переписку, — продолжает Алиса. — Всё сдаётся мне и остаётся в Круге. Это залог. Кто расскажет об игре чужим, увидит свой залог в общем чате.

Проще говоря, у каждого из нас есть что-то, что Круг может однажды показать всем. Поэтому молчат все.

— Жертва должна сдаться сама. — Алиса улыбается. — Сила, угрозы, алкоголь, приказы — сразу вылет.

Самое изящное правило Круга. Девушку ведут так, чтобы ей казалось, будто есть свобода выбора.

— Сезон остановить нельзя. Кто выйдет из игры, тот проиграл. Задание доделает другой. Это правило я понимаю лучше остальных. Его придумали для тех, кто захочет сыграть в героя. Пожалел девушку, ушёл — она всё равно остаётся в игре. Просто теперь она достанется кому-то другому. И даже ты не узнаешь кому именно, пока не закончится игра.

— Кто выиграет свой сезон, получит приз.

Какой, не говорят даже за этим столом.

23:40

Ника обходит стол со спичками. Алиса гасит верхний свет.

Огонь бьёт снизу, глазницы проваливаются в черноту.

С этой минуты имён нет. Нас двенадцать, и прозвище здесь есть у каждого.

Марк — Лис, Лёва — Штиль. Арсений — Ворон, Алиса — Пепел, Глеб — Арбитр. Карина — Граф. Остальных я путаю до сих пор, хоть мы учились в одной школе. Мне выдумывать не пришлось: Тенью меня звали задолго до этого стола.

Глеб обходит игроков с мешком. Нас четверо, тянем по очереди.

Первым тянет Арсений. Читает и ухмыляется: похоже, ему повезло.

Марк разворачивает свою бумажку, и улыбка на секунду сползает с его лица. Потом он сжимает листок в кулак и снова скалится, будто ничего не случилось.

Лёва разворачивает свою, бледнеет так, что это видно даже при свечах, и прячет листок в кулак.

Мне достётся последняя. Выбирать не из чего.

Разворачиваю. «Осень. Ульяна Мезенцева».

Ну ты посмотри! Та самая скучная грантница. Я ведь сам говорил, что закончу с ней до октября.

Так и будет.

Хотя повезло мне так себе. Мне досталась единственная, которая уже сказала мне «нет». Проиграю — и смеяться будут надо мной. Как на дне рождения Вероники. Но об этом лучше не вспоминать.

Алиса придвигает к себе лист и снимает колпачок с перьевой ручки.

Глеб подводит под строкой черту на всю ширину листа.

Набело Алиса переписывает условие на плотную карточку. Каллиграфии её учили с шести лет, вместе с теннисом и французским, и прописные у неё выходят как на старых вывесках. Потом она читает вслух.

ОСЕНЬ Тень — Ульяна Мезенцева

Она сказала: «Лучше умру, чем приму от тебя помощь».

До 23:59 30 ноября она сама придёт к тебе в ту минуту, когда ей будет по-настоящему страшно, и сама попросит защиты. Словами: «помоги», «спаси» или «не оставляй меня».

Засчитывается, если:

1. Она пришла сама. Её не звали и не привели.
2. У неё был кто-то ещё, к кому можно пойти, и она выбрала тебя.
3. Она скажет тебе, что доверяет.
4. Есть доказательство.

Только её собственный выбор.

Стол Круга. Переписала: А. В.

— Приз засекречен до выигрыша, — говорит Алиса.

Арсений перегибается через стол и протягивает руку: теперь они будут делать ставки. Ладонь у него влажная. Яжимаю её и под столом вытираю пальцы о колено.

Сургуч, прорезь, щелчок замка. Глеб вынимает ключ и кладёт передо мной. Алиса поправляет его, чтобы лежал ровно.

— Хранитель — тот, чей сезон, — говорит она. — Доказательства несёшь мне.

Я убираю ключ во внутренний карман.
Ну что ж, Мезенцева.
Приступим.

Глава 6. Чёрное стекло

Матвей

В двадцать минут первого я дома. Отец в Москве, Кристина давно спит.

Достаю из ящика стола блокнот и записываю.

«05.09. Осень. Объект: У. М.»

Уже шестое. Пишу пятое: эта ночь ещё не закончилась.

Ниже переписываю условие, слово в слово. На одной строке ручка останавливается.

«В ту минуту, когда ей будет по-настоящему страшно».

Чего ей бояться? Самое страшное в её жизни — дисциплинарная комиссия девятого числа, куда наблюдателем от фонда посадят меня. Остальное у неё в порядке: грант, место на юрфаке. Глупо думать, что она станет унижаться из-за комиссии. Это недостаточно сильный страх.

Значит, страх придётся сделать.

Сначала надо понять, из чего его делать.

Открываю ноутбук и письмо Вадима. Вчера я листал эти файлы от скуки. Сегодня читаю вдумчиво.

Вся информация умещается в столбик:

«Находка.

Мать — медсестра. Отец — прочерк.

День рождения четырнадцатого октября.

Получила грант.

Эссе — про тех, кто ходит следом».

На последней строке я усмехаюсь. Ходит следом? Почему она выбрала именно эту тему?

Ниже пишу: «Чего боится —?»

Вопросительный знак выходит крупный, на две строки.

Я трогаю шрам над бровью. Привычка.

Мне было двенадцать, когда мама сбежала от отца в Хельсинки. Пока готовились документы на переезд, она скрывалась где-то в Сестрорецке. Я выследил её, но отцу ничего не сказал. Она жила у кого-то на четвёртом этаже, окнами во двор.

Я ездил туда после школы на электричке с Финляндского вокзала и стоял под этими окнами. Я хотел уехать с ней. Иногда стоял до ночи. Я знал её расписание лучше собственного: в семь загорается кухня, в одиннадцать гаснет спальня, по четвергам она возвращается поздно.

Однажды я залез на крышу гаража, чтобы увидеть кухню целиком. Мама стояла у плиты и смеялась, запрокинув голову. Светловолосый мужчина резал хлеб и что-то ей рассказывал. Дома она так не смеялась. Я, во всяком случае, такого не помнил.

Жесть после дождя была скользкой. Я подался ближе, и нога поехала. Бровь я рассёк о край крыши.

Кровь заливала глаз, а я лежал на асфальте и смотрел вверх. На кухне горел свет.

Мама так и не выглянула.

Тогда я и понял: остаются только те, кому без тебя никак. Маме без меня было хорошо. Я видел это с крыши.

Из травмпункта меня забрал отец. Пока мне накладывали три шва, он говорил по телефону про сваи. В машине он сказал мне одно:

— Она сделала выбор. Не позорься.

И тогда я понял, почему отец при всех его связях до сих пор её не нашёл.

Он и не собирался.

Больше я в Сестрорецк не ездил.

Девять лет мама звонит мне двенадцатого ноября. Девять лет я смотрю, как светится экран, и жду, пока он погаснет.

В шкафу на верхней полке лежит тёмно-серое худи. Я купил его для уличной съёмки: в сумерках серое пропадает из кадра раньше чёрного. Бирка до сих пор на рукаве.

Смотрю на него и понимаю, как буду её пугать.

Ходил за мамой. Теперь буду ходить за ней.

Декорации. Только декорации. Я всё время буду рядом. Театр, где страх настоящий, а опасность — нет.

Под вопросительным знаком пишу план. Две роли.

«Тень — пугает. Ардашев — спасает».

Последней пишу самую трудную строку: «Ардашев должен перестать быть врагом». Подчёркиваю дважды и не верю ни одной букве. Она меня бесит. Её «лучше умру». Подбородок, который она задирает, когда у неё дрожат руки. И то как она теребит ремешок часов.

Сейчас я для неё враг. Сын фонда, который всё видел, промолчал, а потом назначил цену. Это я исправлю.

Илья Ткач снимает все отцовские приёмы, его номер у меня со школы. Можно через Вадима, но тогда к утру об этом узнает отец.

Пишу сам:

«Илья, добрый вечер. Это Матвей Ардашев. Исходники с праздника первого сентября у вас? Нужны все кадры, со временем съёмки».

Ответ приходит через три минуты:

«Добрый вечер, Матвей Геннадьевич. Всё у меня. Лариса Евгеньевна просила пока никому не передавать. Мне уже писала одна студентка, Мезенцева, я ей отказал. Вам пришлю утром».

По отчеству. Все, кто работает на отца, переходят со мной на отчество с первой строки.

Мезенцева дошла до Ткача раньше меня. Одна, в чужом городе, без единого знакомого номера в телефоне. Пока я решал, стоит ли вообще шевелиться, она уже искала время на снимках.

Ей отказали. Это хорошо. Значит, для меня всё будет просто.

Под планом дописываю: «Ход 1. Портрет».

Без четверти час я понимаю, что не усну.

Натягиваю худи. Просто посмотреть на место. Любую съёмку начинают без камеры: где свет, где тень, где выход.

Улица пуста. Мост. Сосны. От ворот кампуса к Флигелю ведёт аллея без единого фонаря. Фонарь один, во дворе, и света от него ровно на круг асфальта.

На втором этаже горит окно. В шесть минут первого оно погасло. Теперь горит снова.

Я останавливаюсь у последней сосны, там, где заканчивается свет. Ещё шаг — и я в круге.

Дальше нельзя. Меня увидят.

В окне появляется силуэт. Худые плечи, коса через плечо. Она смотрит во двор. На пустой круг под фонарём. На меня.

Я не двигаюсь.

Она стоит долго.

Я ловлю себя на полушаге к свету. Старая привычка: выйти на середину двора и задрать голову, чтобы из окна было видно. Вот он я. Посмотри.

Убираю ногу обратно в темноту.

Не тот случай.

Она меня не видит. Из освещённой комнаты двор становится чёрным стеклом, и в нём только ты сам и лампа за спиной. Это я проверил ещё в двенадцать лет, когда вернулся из

Сестрорецка. Включил у себя свет и встал к окну. В отражении — мальчик с пластырем над бровью и больше ничего.

Тогда мне было обидно.

Теперь удобно.

Ульяна

6 сентября, 00:40

Свет я выключила в начале первого. С тех пор лежу и смотрю в потолок.

Девятого комиссия. Свидетель — заинтересованное лицо. Фотограф — «простите».

Ардашев — «проси как следует».

Шея опять горит. Горит каждый раз, когда вспоминаю этого придурка. Я злюсь на собственную шею. Глупее не придумаешь.

Телефон вибрирует под подушкой. «Мама».

Я сползаю на пол.

— Доча. Не разбудила?

— Нет. Я не сплю.

Мама не спрашивает почему. В трубке ветер, кричат чайки, где-то сигналит машина. Над бухтой сейчас, наверное, туман.

— Как смена?

— Лёгкая, — говорит мама. Голос сиплый, как после двух суток.

— Ты ела?

— Ела. Ты-то как? Пары начались?

— Начались. Соседка хорошая. Из Новокузнецка. Всё отлично.

— А деньги? Фонд перевёл?

— Всё по договору, — говорю я.

Формально это правда. В договоре есть пункт про приостановку гранта.

Так мы и разговариваем: она бережёт меня, я берегу её, и каждая немножко врёт.

Ветер в трубке стихает. Мама зашла под козырёк остановки.

— Доча... — Пауза. — Он приходил.

Пальцы на телефоне немеют. Перекладываю его в другую руку.

— Спрашивал, — говорит мама. — Вежливый такой. С цветами. С белыми. Я сказала — Владивосток.

Мама за двадцать лет не соврала ни одному пациенту. Ради меня теперь постоянно врёт. Я молчу. Считаю про себя. На семи сбиваюсь и начинаю заново.

— Уль? Ты тут?

— Тут.

— Цветы я в урну у подъезда, — докладывает мама.

— Ладно, — говорю я, а у самой в груди сжимается.

— Вика знает.

— Вика не скажет.

— Хорошо, если так, — соглашается мама.

В трубке шипят двери автобуса.

— Всё, я поехала. Дверь на ночь закрывай.

— Закрываю.

— Поспи.

Гудки.

В темноте я больше не могу. Включаю настольную лампу и отворачиваю её к стене, чтобы не разбудить Дашу. На обоях расплывается жёлтое пятно.

Подхожу к окну.

Двор. Один фонарь. Чёрная аллея к проспекту. Под фонарём на асфальте круг света, ровный, как от циркуля.

В стекле — я: коса через плечо, лампа за спиной. Сквозь своё отражение я вижу только этот круг.

Вежливый. С белыми цветами. При маме он всегда был вежливым.

Четыре — вдох. Семь — держу. Восемь — выдох.

Только бы не нашёл.

Ещё час назад худшим человеком на свете мне казался Ардашев. Сейчас он кажется мне просто мажором.

Проверяю дверь.

Проверяю второй раз.

01:12. Гашу лампу.

Без света стекло снова становится окном. Скамейка, мусорные баки, первые сосны аллеи. Дальше темно. Фонарь. Круг. Под фонарём пусто.

Взгляд ползёт к краю света, туда, где жёлтое тонет в чёрном. У крайней сосны темнота гуще. В ней кто-то стоит. Силуэт чуть светлее ночи. Плечи. Голова. Капюшон.

Дыхание обрывается на вдохе. Сердце колотится в горле, в висках, в кончиках пальцев, и пальцы впиваются в подоконник. По спине стекает холод. В ушах звенит. Бежать! Бежать, не оглядываясь! Или спрятаться под окном? Но тело застыло, и глаза держат серое пятно, бояться моргнуть.

Только не снова!

Секунда. Две.

Моргаю.

У сосны темнота. Ветка качается.

Показалось?

Второй час ночи. Усталые глаза лепят человека из ствола и тени.

Вдох на четыре счёта. Выдох на шесть. Ещё раз. Пальцы отлипают от подоконника по одному.

Показалось.

Здесь меня никто не знает.

Здесь меня никто не найдёт.

Повторяю это шёпотом, пока стекло не запотеет от дыхания.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.